

Евгений Карнович

Раніе Kochanku

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Panie Kochanku

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся ещё иноземному влиянию и следовавшая дедовским обычаям, видела в Радзивилле представителя старого времени, следовательно и представителя своих коренных прав и наследственных преданий. По этому самому, виленский воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такою популярностью, какой, вероятно, никому, никогда и нигде не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не знал бы о „Panie Kochanku“ и не любил бы его. Предание о нём живёт и донныне...»

Евгений Петрович Карнович
Panie Kochanku

Около половины прошедшего столетия, старинный домашний быт в Польше и в Литве начал исчезать слишком заметно. Иноземные обычаи и иноземный образ жизни, усвоенные первоначально только королевским двором и самыми знатными панами, проникали мало-помалу и в другие сословия.

В это время при дворе короля польского подражательность французам развилась уже до такой степени, что как казалось, при этом дворе напудренные версальские придворные были скорее на своём месте, нежели одетые в кунтуш чубатые воеводы – виленский Радзивилл и киевский Потоцкий. Оба они, придерживаясь старопольских обычаев, казались уже какими-то чужаками среди офранцузившихся польских царедворцев, – в особенности же Радзивилл, который, и по своему личному характеру и по образу своей жизни, был представителем старинной польской народности, уже исчезнувшей в кругу перерождённых магнатов.

Между тем низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся ещё иноземному влиянию и следовавшая дедовским обычаям,

видела в Радзивилле представителя старого времени, следовательно и представителя своих коренных прав и наследственных преданий. По этому самому, виленский воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такою популярностью, какой, вероятно, никому, никогда и нигде не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не знал бы о "Ranie Kochanku" и не любил бы его. Предание о нём живёт и доныне.

Все называли князя Карла Радзивилла, воеводу виленского, ни по княжескому его титулу, ни по его крёстному имени, ни по его знаменитой фамилии, ни по его воеводскому званию, но означали его обыкновенно словами: "Ranie Kochanku"; это значит почти то же самое что по-русски: "мой любезнейший!" Прозвище это дали Радзивиллу потому, что он, обходясь со всеми, по старопольскому обычаю, запанибрата, говорил всем и каждому, а в том числе даже и самому королю – "Ranie Kochanku"!

Придерживаясь польской старины, Радзивилл уже по одному этому не мог быть в ладу

с последним польским королём, Станиславом Августом Понятовским, бывшим скорее иностранцем, нежели поляком, переписывавшимся с Вольтером и умевшим приобрести себе корону не единодушным выбором шляхты, но посредством чужеземного влияния.

При вступлении Понятовского на престол, Радзивилл составил было конфедерацию, но король одолел её, и предводитель уничтоженной конфедерации подвергся изгнанию из отечества. При таких обстоятельствах, Карлу Радзивиллу, владельцу двухсот тысяч душ и несметных радзивилловских богатств, накопленных веками, угрожала самая печальная участь: он должен был из богача-магната обратиться в бедняка-странника.

Но любовь шляхты к Радзивиллу спасла его от этой горькой участи; потому что, как только сделался известен приверженцам Радзивилла состоявшийся над ним приговор, они тотчас на общей сходке постановили: взять от казны за собою в аренду все описанные имения Радзивилла за самую ничтожную плату. Никто не смел состязаться с многочисленными приятелями Радзивилла, на-

зывавшимися албанчиками и отличавшимися неограниченной отвагой, и потому все описанные имения изгнанника перешли в руки его горячих приверженцев, которые постановили между собою – посылать ему полугодовой доход со всех его имений, заарендованных ими.

Между тем Радзивилл, принуждённый оставить родную Литву, странствовал на чужбине; и куда он только ни являлся – в Стамбул ли, в Венецию ли, в Рим ли, – всюду ожидали его у местных банкиров огромные суммы, переведённые албанчиками на его имя. Поддерживаемый дружбою своих приверженцев, Радзивилл удивлял всех иностранцев своею непомерною роскошью; а между тем они, зная о судьбе изгнанника, по-видимому лишённого всего, не могли никак объяснить себе источников его изумительного богатства. И поэтому мало-помалу распространилась за границу молва, будто Радзивилл обладает каким-то волшебным, неразменным червонцем, величиною с жерновой камень, доставшимся ему по наследству.

Странствуя из одной страны в другую, в

ожидании возможности вернуться на родину, Радзивилл и на чужбине хотел сохранять родные обычаи; поэтому, однажды, находясь в Венеции, он устроил так называемые у поляков "свенцёны".

Свенцёнами у поляков называется холодная закуска, выставляемая, как и у нас, на стол в течение Светлой недели; только надобно заметить, что польские свенцёны далеко превосходят подобные наши закуски, и по обилию, и по разнообразию.

Устроив свенцёны, Радзивилл пригласил к себе светлейшего дожа и всех сенаторов, и изумил всех своих гостей необыкновенною вместимостью польского желудка, потому что в то самое время, когда итальянцы, с ужасом посматривая на слишком тяжёлые и слишком жирные кушанья, обходили их и прикасались только к маслу и к макаронам, Радзивилл показывал своим воздержным гостям образец литовского аппетита, истребляя в изумительном количестве и жгучую водку, и жирную ветчину, и аршинные колбасы и пр. и пр.

Благоразумный правитель Венецианской

республики опасался дурных последствий невиданного им до того времени обжорства, и по совещанию с превосходительными сенаторами прислал тотчас же, после своего возвращения во дворец, двух самых искусных докторов, которые должны были, сохраняя самое строгое инкогнито, оставаться настороже в палаццо, занятом Радзивиллом, на случай болезненных припадков знаменитого гостя, после описанной закуски.

Само собою разумеется, излишне было бы говорить, что опасения светлейшего дожа и сената были совершенно напрасны. Можно только добавить, что если Радзивилл умением выпить и плотно закусить изумлял итальянцев, то он этими же самыми качествами приобретал себе особенное расположение своих соотечественников: у них в то время крепкая против водки голова и вместительный желудок, – эти две необходимые принадлежности гостеприимного хозяина, обязанного давать пример своим гостям, – считались вообще не последними достоинствами порядочного человека.

Проведя несколько лет в изгнании, Радзи-

вилл получил наконец позволение возвратиться на родину, и с этого времени началась его необыкновенная популярность.

Осуждая вообще польских магнатов последнего времени за их холодное равнодушие к благу родины, за их стремление отделиться от общей массы народа, за предпочтение ими их собственного довольства и честолюбия прямым потребностям погибавшей отчизны, за своеволие их с низшими своими собратьями, – нельзя не сказать, что князь Карл Радзивилл составлял среди подобных личностей совершенное исключение. Он был образец богача, жившего не столько для себя, сколько для других, К чести Радзивилла надобно сказать также и то, что в то время, когда современные ему магнаты отдавали, из корыстных видов, своих бедных холопов в жертву жадным арендаторам, Карл Радзивилл постоянно думал о благе подвластных ему крестьян, и малейшую обиду, малейшее притеснение, оказанные кому-нибудь из них, он уже считал лично сделанным ему оскорблением.

Приветливость, равное со всеми обхождение, простодушие, откровенность, отсутствие

надменности, пышность – там, где её нужно было выказать, – и наконец желание помочь каждому – слишком выдвигали вперёд личность князя Карла Радзивилла и приобретали ему общее уважение, несмотря на все его причуды и странности, которые, конечно, без множества добрых качеств, могли бы сделать его только предметом общих насмешек.

Мы сказали, что Радзивилл не прочь был от пышности, но надобно прибавить, что он был далёк от той тщеславной выставки своих богатств, которая доставляет удовольствие только тем, кто имеет возможность пользоваться ими, и которая в то же время как бы оскорбляет других. Напротив, Карл Радзивилл обнаруживал пышность и выставлял свои богатства там, где то и другое, по понятиям того времени, могло доставлять общее удовольствие: там, где богатство одного человека делалось предметом зрелища, любопытного для всех, и как бы забавляло целую толпу, не давая ей чувствовать преобладание пышного магната. Все очень хорошо знали, что Карл Радзивилл, изумлявший всех своею пышностью в известных, только весьма немногих,

случаях, в обыкновенной своей жизни, несмотря на несметные богатства, хотел жить и жил так, как жил в его время простой, небогатый шляхтич.

Чтобы убедиться в этом, нужно было заглянуть в Несвиж, любимое и обыкновенное местопребывание князя. Побывавшие в Несвиже могли видеть, что Карл Радзивилл, если ему не было надобности изменять образа жизни, строго держался, по обычаю предков, и старинной простоты и строгой умеренности там, где соблюдение той и другой повелось исстари.

Действительно, в то время, когда польские магнаты, побывавши за границею и присмотревшись к тамошнему быту дворянства, строили в своих поместьях и огромные замки, и великолепные дворцы, – первый богач Литвы и Польши жил под простою дедовскою кровлей.

У Радзивилла, в его несвижском доме, в подвалах которого хранились несметные сокровища, не было ни пышной мебели, ни зеркал, ни бронзы; были только драгоценные ковры, и то развешанные по стенам, тогда

как гладкий дубовый пол был, как это велось у его отца и дедов, старательно натёрт воском.

Правда, надобно сказать, что обеденная зала в доме Карла Радзивилла отличалась слишком дорогою диковинкою для того времени, потому что вся была обита гобеленовскими обоями. Но это не было собственной тратой князя Карла, потому что дорогие обои достались ему в наследство от отца, который сам получил их в подарок от французского короля Людовика XIV. Самый рисунок обоев до некоторой степени соответствовал назначению той комнаты, в которой они висели; так как на одной их части было изображено насыщение 5000 человек пятью хлебами, а на другой – брак в Кане Галилейской.

В дополнение к этим обоям, отец князя Карла велел нарисовать на стенах охоту, на которой погиб лучший его друг Илинич, и въезд в Краков королевы Барбары, жены короля Сигизмунда II, урождённой Радзивилл. Все лица, изображённые на этих картинах, были сняты с родных, приятелей, знакомых и слуг покойного князя.

Надобно впрочем заметить, что ещё две вещи, по своей ценности, обращали на себя в доме Радзивилла общее внимание его многочисленных гостей: это были две огромные люстры, каждая в 300 свечей, перешедшие к Радзивиллам по наследству от князей Вишневецких.

Таким образом в доме магната не попадались в глаза убогой шляхты те прихотливые и вычурные украшения, которые в жилищах других польских богачей слишком резко напоминали гостям о их бедности и о богатстве хозяина.

Но ограничивая пышность в своём доме, князь Карл выказывал её там, где она могла делаться как бы общею для всех: так гостям его, всем без различия, подавали обедать и ужинать на серебре и на фарфоре, что, надобно заметить, не очень водилось у других магнатов, на обеды которых являлись шляхтичи, неся за пазухой собственные свои ножи, вилки и ложки. Кормил своих гостей радушный хозяин опять всех без различия, не одними простыми кушаньями – крупником и рубцами, но кроме этих, самых обыкновенных

польских блюд, у него на столе являлись медвежьи лапы под вишнёвым соусом, бобровые хвосты с икрой, лосиные ноздри с миндалём, жареные ежи и кабаньи головы. Само собою разумеется, что об изобилии водки, пива, мёда и венгерского говорить нечего.

При приезде каждого гостя, трубач трубил; и Радзивилл по этому знаку выходил в сени, для встречи приезжего гостя. Обыкновенно у него набиралось столько гостей, что, несмотря на огромность княжеских палат, в них не могли все гости обедать разом, и потому обедали по очереди, так что иногда накрывали стол раза по четыре.

Обходясь, как замечено, со всею шляхтою запанибрата, "Panie Kochanku" не требовал от неё для себя особого почёта; но сами гости, любя и уважая своего хозяина, вставали со своих мест и низко кланялись князю, при каждом его выходе в залу, хотя бы это случилось сряду двадцать раз. На эту вежливость гостей хозяин отвечал тою же самою вежливостью.

Особенный прилив гостей в Несвиж был ежегодно 4 ноября, в день святого Карла, так

как в этот день князь был именинник. Понятовский, примирившийся с Радзивиллом, никогда не забывал этого дня, и присылал нарочно в Несвиж к этому дню одного из каштелянов, чтоб поздравить князя с его ангелом от имени короля.

Ещё за несколько дней до 4 ноября, по дорогам, шедшим в Несвиж, не было уже проезда; они были загромождены множеством карет, кочей, повозок и бричек, набитых гостями, ехавшими в Несвиж; все придорожные корчмы и гостиницы были заняты проезжими. Хлопанье длинных бичей не умолкало ни на минуту.

Впрочем было два особенных случая, где пышность Радзивилла превзошла всякое вероятие; именно, – один раз, при въезде его в Вильно, как виленского воеводы, а другой раз, при приезде короля Станислава Августа в Несвиж, в гости к своему бывшему сопернику.

О въезде виленского воеводы долго говорили и в Литве и в Польше. Въезд начался в 6 часов утра и кончился только в 8 часов. Целых два часа безостановочно тянулся торже-

ственный поезд князя-воеводы. После множества карет, бывших в поезде, ехала княжеская кухня, за нею княжеский гардероб, при особой страже; всего было 100 цугов или 600 лошадей в упряжи; кроме того, за воеводой ехали 2000 его конных казаков и шло 6000 человек его собственной пехоты.

В этот день во всех пяти радзивилловских палацах, принадлежавших в то время в Вильне Радзивиллу, были приготовлены роскошные обеденные столы для шляхты; а на всех виленских рынках были расставлены в изобилии жареные волы, а также бочки с мёдом и пивом. Каждый ел и пил, сколько было душе угодно, на счёт щедрого воеводы. Кроме того, на некоторых площадях были пущены фейерверки, устроены иллюминации, маскарады, и представляли комедианты разные штуки.

Ещё большее великолепие выказал Радзивилл при посещении Несвижа королём Станиславом Августом в 1782 году. В этом случае, князь, уже не боясь раздражить шляхту, но зная, что она будет довольна, если короля поразит богатство литовского шляхтича, он ре-

шился показать королю и гостям богатство Радзивиллов. Открылась вековая сокровищница: из неё вынесли золотую, золочёную и серебряную посуду, столы и экраны для каминов, вылитые из серебра, и расставили их в комнатах, назначенных для короля. Развесили редкие гобелены и разостлали драгоценные турецкие ковры. В шести огромных комнатах разложили наследственные редкости: булавы, жезлы, знамёна, изображения апостолов, вылитые из золота, мощи в ковчегах, украшенных драгоценными камнями, старинное оружие, египетские мумии, китайские и японские фарфоры и пр.

На зов хозяина, к приезду короля поспешила почти вся литовская шляхта в Несвиж, а как известно, её было не мало.

По случаю посещения королём Несвижа, князь обмундировал заново всё своё восьмьтысячное войско, выписал музыкантов из Италии, а также и поэтов, плохих и хороших, как из ближайших околотков, так и из самых отдалённых мест Литвы и Польши. Наконец были сделаны огромные приготовления к королевской охоте.

Начиная далеко за Слуцком, с самого Полеся, стали сгонять к Несвижу зверей; чтобы удержать их в этих местах до королевского приезда, строили заборы, делали засеки и составляли неразрывные цепи из людей, иногда по протяжению нескольких миль. Теснимые таким образом со всех сторон, и волки, и медведи, и лисицы, и лоси, и вепри сбегались во множестве па место, предназначенное для королевской охоты. Там устроили великолепный павильон; охота удалась как нельзя лучше: король сам застрелил медведя.

Гостей, кроме дам, собралось две тысячи; для них были разбиты палатки под Несвижем. Всё содержание их, в течение нескольких недель, производилось на счёт Радзивилла.

Когда король, в сопровождении литовского подканцлера Хрептовича и знаменитого польского историка, епископа Нарушевича, подъезжал к Несвижу, то князь Карл встретил его за милю от своей резиденции.

Князь выехал навстречу королю на коне чистой арабской породы; на коне была золотая уздечка, осыпанная драгоценными кам-

нями, а подкован он был золотыми подковами. На Радзивилле был надет богатый кунтуш с брильянтовыми пуговицами, а сабля, украшенная брильянтами, стояла, по уверению знатоков, по крайней мере 80.000 польских злотых, – сумма огромная для тогдашней ценности денег.

При встрече короля княжеская пехота стояла вытянутою по несвижской дороге в два ряда; по бокам королевского поезда ехала конница; над домом развевался флаг с гербом Радзивиллов; с валов, окружавших Несвиж, беспрерывно стреляли из пушек; во всех костёлах раздавался неумолкаемый колокольный звон.

Король остановился у несвижской приходской церкви и вошёл в неё. Там он сел на приготовленное для него кресло, а шесть рыцарей огромного роста, в тяжёлых стальных доспехах, заняли места по бокам королевского трона. Духовник Радзивилла произнёс королю приветственную речь, в которой он сказал, между прочим, что не за чем удивляться Радзивиллам, если к ним приходят короли, так как в Несвиже был у них блаженной па-

мяти король польский Сигизмунд II Август, желая вступить в брак с Барбарою Радзивилл; был и король Михаил Вишневецкий, близкий родственник Радзивиллам; что был наконец здесь и знаменитый освободитель Вены Ян Собеский, родившийся от княжны Радзивилл, но что всё-таки, несмотря на это, прибытие его величества короля Станислава Августа князь Радзивилл считает для себя за особенную честь.

Король провёл пять дней в Несвиже. В это время праздник сменялся праздником. Между прочими увеселениями была представлена на несвижских прудах осада Гибралтара.

Был впрочем ещё и третий случай, выказавший богатство князей Радзивиллов – это похороны отца князя Карла, великого гетмана литовского. "Panie Kochanku" к похоронам отца готовился несколько лет: многие украшения костёла, – куда был внесён стоявший до того времени в склепе гроб гетмана, – были выписаны из Парижа. К похоронам гетмана съехалась в Несвиж почти вся литовская шляхта; сто экипажей, каждый запряжённый четырьмя конями, были готовы во всякое вре-

мя к услугам гостей. Похороны гетмана стоили более 1.000.000 польских злотых, не считая огромных издержек на вина.

Богатство и могущество Радзивилла и его влияние на шляхту обнаруживались также и при его поездках в гости, при отправлении на охоту и приездах его на шляхетские сеймики.

Приём такого гостя, как Радзивилл, обходился тому, кого он удостаивал своим посещением, иногда до 30.000 злотых. Когда "Panie Kochanku" приезжал в гости к какому-нибудь шляхтичу, то хозяин, со всеми своими гостями, спешил встретить его на границах своих владений; при появлении князя раздавались громкие восклицания: "Да здравствует наш князь, краса литовской провинции!" В знак же уважения к дорогому гостю вся шляхта, встречавшая Радзивилла, соскакивала с коней, хотя бы в то время лежал самый глубокий снег, или была бы грязь по колени; но зато и сам князь, в свою очередь, выходил из саней, здоровался, стоя в снегу или в грязи, с каждым из шляхтичей, так что иногда такая встреча длилась по несколько часов.

Поздоровавшись и перецеловавшись со

всеми шляхтичами, князь уж не влезал в свои сани, но садился на коня и отправлялся верхом вместе со всеми. При подъезде к дому и хозяин и гости поспешали обогнать князя, чтобы снова встретить его на крыльце всей ватагой. Во время обедов и ужинов, гости, очарованные любезностью князя, нередко стаскивали с него сапог, и пили из этого сапога венгерское за здоровье добродушного магната.

Отправление "Раніе Кошанку" на охоту тоже было делом не последним. Кстати заметим при этом, что он, проезжая от Немана до Двины и от Двины к Висле, мог всегда ночевать в своих владениях, — так широко раскидывались они по всей Литве.

При поездках Радзивилла на охоту, впереди его ехало несколько вершников, впереди которых находился придворный маршалок Радзивилла. Маршалок замечал вязками соломы дорогу, если она выходила на просёлки, и отправлял в лес одного из ловчих, который замечал тропинки, посыпая их ельником. На дороге поезд увеличивался, как снежный ком, всё более и более, потому что беспрестанно

выезжали навстречу князю все окольные шляхтичи и присоединялись к следовавшей за ним толпе.

Маршалок распоряжался заготовлением на дороге всего необходимого; по его распоряжению, на всём пути строили будки и шалаши; по вечерам, если останавливался княжеский поезд на ночлег, около того места зажигались бесчисленные огни, вокруг которых, и в лесу, и в поле, широко размещались спутники князя. Ночёвка их напоминала цыганский табор: кони ржали, пощипывая траву; слышалось беспрестанно ворчание и лай гончих собак, и раздавался весёлый говор и песни охотников, отзывавшиеся и удалью и беззаботностью.

Местечки, через которые проезжал Радзивилл, были рады гостям, потому что князь обращался со всеми не так, как другие магнаты, – он был постоянно и добр и приветлив.

Шляхетские сеймики, на которые приезжал Радзивилл, обнаруживали не столько его значение, как магната, сколько любовь к нему шляхты и собственное его желание приобрести для себя расположение своих односо-

СЛОВНИКОВ.

Обыкновенно "Panie Kochanku" являлся на сеймики в Новогрудок, и останавливался в келье настоятеля тамошнего монастыря. Весь город при приезде князя кипел жизнью. Двор монастыря загромождали фуры с мукой, соломиной, с пивом, назначенным для угощения шляхтичей, которые, разведя огромные костры, укладывались спать на монастырском дворе. На счёт князя, во всё продолжение сеймиков, убивали каждый день двух волов для кормления шляхты. В течение этого времени он обедал каждый день два раза: раз со всею шляхтою на дворе, а другой раз только с избранными своими гостями в настоятельских покоях.

Желая как можно более расположить к себе шляхту, бывшую на сеймиках, "Panie Kochanku", окружённый толпою шляхтичей, нередко начинал с того, что снимал с себя шапку и дарил её одному из близ стоявших около него сограждан, потом снимал дорогой пояс и с ним делал то же; далее доходила очередь до бриллиантов булавки, до кунтуша; и таким образом подобная раздача оканчива-

лась обыкновенно тем, что Радзивилл, раздевшись почти донага, садился в простую телегу, на которой стояла огромная бочка вина, и шляхта, приведённая в восторг любезностью и щедростью магната, впрягшись в телегу, тащила её на себе по улицам Новогрудка. Поезд останавливался время от времени, и каждый шляхтич, который только хотел, мог получить или кубок, или целый гарнец вина из бочки, находившейся на телеге; причём сам князь вытаскивал из бочки затычку и уговаривал шляхтичей избрать тех, кому он покровительствовал.

Действуя таким образом на умы шляхты, "Ranie Kochanku" прибегал порою и к другим, более замысловатым средствам. Так однажды, для большего привлечения на свою сторону новогрудской шляхты, он рассказывал ей, что раз как-то ему пришло на мысль оставить Литву и поселиться на Волыни; но что, однако, когда он молился в Боремле, услышал голос, который сказал ему: "Радзивилл! иди опять в Литву и не имей никакого дела с волынской шляхтой; потому что она тебя не стоит. Иди в Литву, говорю тебе я, и кланяйся

от меня новогрудской шляхте!"

Такими способами князь-воевода привлекал к себе толпу приверженцев, которые видели в нём магната, неотступно следовавшего обычаям своих предков, уравнивавшим всех шляхтичей между собою, как родных братьев. Так, самая одежда князя Карла Радзивилла отличала в нём любителя старого, а не нового порядка, потому что в то время, когда знатные паны, побывавши за границей и возвратившись на родину, покидали праотческую одежду, Радзивилл и среди варшавского двора не снимал старопольского жупана, присвоенного виленскому воеводству. Надобно также сказать, что любимый белый жупан Радзивилла был обыкновенно весь в пятнах и истаскан до крайности. В таком наряде князь-воевода, в бытность свою в Варшаве, зачастую являлся к щеголеватому Понятовскому, всегда напудренному, раздушенному, подшнурованному и завитому. Король, любивший щёгольство и опрятность, решился однажды заметить Радзивиллу ветхость его наряда.

– Наияснейший государь! – отвечал Радзи-

вилл, – хорошо вам всё новое да новое, а ведь такой кунтуш, как на мне, уж тринадцатый Радзивилл, виленский воевода, носит, – так не удивительно, что он и поистёрся.

Этими словами Радзивилл намекнул Понятовскому на древность и знатность рода Радзивилла и на недавнюю известность Понятовских.

Но кроме одежды, Радзивилл отличался от других современных ему магнатов и религиозными верованиями, и образом жизни.

В его время учение французских философов, покровительствуемое королём, всё сильнее и сильнее проникало в высший класс общества. Внешние проявления религиозности, вследствие того, заметно ослабели; но Карл Радзивилл, выросший в глуши Литвы на глазах отца, который бил его батогами, несмотря на то, что Карл был уже в совершенном возрасте, занимал должность литовского мечника, и имел станиславскую ленту, – сохранил стародавние понятия и обычаи.

Вследствие этого, князь Карл был одним из самых ревностных блюстителей внешнего богопочитания. Он обнаруживал это при каж-

дом удобном случае. Так, когда однажды, в сражении с русскими, упало почти у самых ног Радзивилла пушечное ядро и он остался невредим, то избавление своё от смерти он приписал особенному за него заступлению Богородицы, и поэтому он приказал поднять ядро и взвесить его, и когда оказалось что ядро, подлетевшее к Радзивиллу, было двенадцатифунтовое, то он велел сделать серебряное ядро в столько же фунтов и в память благодарности повесил его перед иконою Борунской Богоматери.

Следуя во всём, сколь можно более, старым обычаям, "Panie Kochanku" проводил всегда последние дни масленицы самым весёлым образом; но зато в первый день великого поста он начинал своё покаяние с сокрушённым сердцем и с соблюдением всех внешних обрядов.

Обыкновенно в последний день масленицы, уже на рассвете, Радзивилл заговлялся; на стол подавали постное кушанье, и когда поднимали с миски крышку, то из под неё вылетал воробей. Это по старопольскому обычаю должно было означать, что мясная пища кон-

чилась и что пост уж начался. В это время Радзивилл приглашал своих собеседников го-
веть вместе с ним.

Поутру, при первом ударе колокола в несвижском костёле, Радзивилл с своими приятелями, надев на себя власяницу, с верёвкой на шее, и с головой, покрытой пеплом, шёл к костёлу, и он, и спутники его пели покаянные псалмы и каждый из них, в том числе и князь, нёс под мышкой по огромной плотно скрученной, ремённой плети.

Войдя в костёл, князь раздевался до пояса и приказывал делать то же самое и своим кающемся приятелям, и потом, читая псалом: "Помилуй мя Боже!" принимался хлестать по плечам сокрушавшихся грешников; каждый из них был и сам бит, и в свою очередь бил каждого из своих товарищей. Однажды, когда в один из таких дней, очередь быть битым дошла и до Радзивилла, то сначала все били его плетью слегка, по чувству особенного к нему уважения, но один из каявшихся шляхтичей, которого сам Радзивилл за особенные его грехи отхлестал без сожаления, начал отплачивать ему тем же. "Довольно! довольно, раніе

koschanku, – закричал тогда Радзивилл, – остальное покаяние отложим лучше до великой пятницы!"

Много разных забавных рассказов сохранилось о Радзивилле. Все они обнаруживают его доброту и ненадменность: он любил шутить с другими, но не оскорблялся, если и с ним поступали так же. Стараясь не отличаться в образе жизни от убогой шляхты, Радзивилл сам очень часто чистил в несвижской конюшне своих лошадей, седлал и запрягал их; славно пил, много ел, не любил карт и сёк без милосердия всех евреев, которые продавали их.

Он не делал ни шагу без огнива, нескольких карманных часов, шнипера для пускания крови, табакерки, чёток, печатки, запонки, кошелька для денег, пустого мешочка, зажигательного стекла, складного ножа и сабли.

Он чрезвычайно боялся чертей и привидений, и лёжа в постели, крестился беспрестанно.

Наружность Радзивилла можно описать в следующих словах: он был высокого роста, довольно тучный, имел огромную голову и был

в старости до такой степени лыс, что у него торчало на висках только несколько волос; усы у него были большие; он опускал их книзу, когда бывал не в духе, и наоборот – поднимал их вверх и крутил их, если был весел; голубые его глаза смотрели приветливо.

Князь Карл умер в Варшаве, в 1788 году, старым холостяком. Его пышность и щедрость к шляхте порасстроили доставшееся ему радзивилловское богатство; так что, по выражению одного современника, у него долги росли, как грибы.

"Ranie Kochanku" остался доньне, и в польской литературе и в преданиях, символом исчезавшего в его время народного польского характера. Он, когда иноземные обычаи стали уж запирать перед убогой шляхтой великолепные палацы магнатов, давал в Несвиже гостеприимный приют не только ей самой, но и всем её обычаям и преданиям.